

Он схватил шапку-«дынный окроп», натянул ее на ходу и выбежал прочь. Цуй Се запер дверь изнутри на засов и принялся рисовать знаменитую сцену из пятидесятой главы «Троецарствия» — «Спящий Дракон оплакивает усопшего».

Едва взглянув на название главы, он словно наяву увидел перед собой лица Тан Гоцяна и Хэ Цин: поминальный зал, драпированный белоснежной тканью, Чжугэ Лян в белых траурных одеждах и шелковом уборе с перьями, рыдающий над гробом, и Младшая Цяо со слезами на глазах, выходящая с длинным мечом в руках...

К сожалению, в оригинальном романе не было сцены, где Младшая Цяо пыталась бы убить Чжугэ Ляна. Пришлось ограничиться рисунком Чжоу Юя, кашляющего кровью над столом, и добавить к нему образ Младшей Цяо в исполнении Хэ Цин, которая с ужасом и скорбью подбегает к нему со спины. Что до самой сцены оплакивания, то пусть Чжугэ Лян стоит в центре с поминальной молитвой в руках, Чжао Юнь держит руку на рукояти меча чуть позади, а Лу Су, Чжан Чжао и Хуан Гай со слезами на глазах пытаются его утешить.

Разметив перспективные линии линейкой, он сделал угольным карандашом набросок, начав с более простой по композиции сцены — кашляющего кровью Чжоу Юя.

Едва он наметил контуры тела и нарисовал крестовые линии на лице, как в дверь снаружи резко и тревожно постучали. Подумав, что вернулся Пэн Янь или кто-то из однокашников, ходивших смотреть списки, он свернул рисунок и пошел открывать.

Однако за дверью стоял незнакомый дюжий мужик. На его лбу и шее блестели капли пота, грудь тяжело вздымалась, а нависшие веки придавали лицу свирепое выражение. Цуй Се не спешил распахивать дверь и настороженно спросил:

— Вы по какому-то делу, сударь?

Мужчина уперся ладонью в дверную раму, пристально взгляделся в него и спросил:

— Ты и есть молодой господин Цуй Се из Цяньаня?

...Неужели кто-то и впрямь донес на него за нарушения на экзаменах?

Цуй Се крепче вцепился в дверную раму и изо всех сил постарался сохранить спокойствие:

— Я — Цуй Се. Брат мой, ты ко мне?

Тот кивнул, огляделся по сторонам, торопливо проскользнул в комнату и тут же запер за собой дверь на засов. У Цуй Се возникло жутковатое ощущение, будто он оказался на месте преступления в запертой комнате. Отступив на пару шагов к окну, он сглотнул и спросил:

— По какому делу ты ищешь меня, сударь? Зачем же затворять дверь перед разговором?

Мужчина достал из-за пазухи простой визитный листок с именем Се Ина, склонил голову и произнес:

— Ваша покорный слуга — Се Кэ, слуга семьи Се. Я прибыл по приказу моего господина, цяньху Се, чтобы передать пару слов.

Так это от цяньху Се! Так сказал бы сразу, к чему такие таинства между своими? Цуй Се тихонько перевел дух, спрятал листок в рукав и вежливо предложил:

— В таком случае, брат мой, присядь в главной комнате. Я велю слуге принести холодного сливого отвара.

Се Кэ махнул рукой:

— Не надо никому звонить. Я пришел по приказанию цяньху, чтобы сообщить молодому господину одну вещь. Об этом вам пока знать не положено, так что выслушайте, но делайте вид, будто ничего не слышали, и пока никаких шагов не предпринимайте.

Хотя Цуй Се и удивился, но, поскольку дело касалось Цзиньивэй, послушно остался стоять и приготовился слушать.

Се Кэ даже затворил окно и понизил голос:

— На днях кто-то подбросил под ворота письмо. Там утверждалось, будто начальник уезда Ци, Се Шэн, силою отнял твою библиотеку...

Об этом Цуй Се знал: цяньху Се вместе с цензором Лю даже приезжали к ним в поместье брать у него показания! Неужели дело получило продолжение, и ему придется ехать в столицу давать показания в защиту начальника уезда Ци?

Он уставился на Се Кэ широко раскрытыми глазами, полными вопросов, но боялся перебить. Се Кэ отвел взгляд, словно опасаясь причинить ему боль, и еще сильнее понизил голос:

— На самом деле это сделала госпожа Сюй. Наш цяньху уже докопался до истины и велел мне первому приехать в Юнпин, дабы предупредить молодого господина, чтобы вы успели подготовиться...

Подготовиться... К чему подготовиться? К тому, что всю семью упекут за решетку?

У него просто слов не было!

Ладно еще, когда госпожа Сюй оговорила пасынка — в конце концов, не она сама забила человека до смерти. Но теперь у нее хватило наглости оклеветать чиновника ведомства — притом человека, с которым у нее не было ни малейших распрей, который всего лишь помог ее пасынку! Какая же лютая ненависть двигала ею?!

Ему придется ехать в столицу и давать показания! Даже если ее упекут в тюрьму и его потащат вслед за ней, он все равно поедет и даст правдивые показания: начальник уезда Ци абсолютно чист и никогда ничего силой не отнимал!

Лицо Цуй Се побагровело от гнева, он с силой топотнул по полу:

— Я еду в столицу! Как в мире может происходить подобное?! Разве я могу сидеть в Юнпине и смотреть на это сквозь пальцы?! Я... в крайнем случае подам жалобу самому императору, буду катиться по доске с гвоздями, но не поверю...

Не поверю, что на белом свете не осталось справедливости!

Се Кэ поспешно схватил его за плечо и быстро, тревожно зашептал ему на ухо:

— Цяньху потому и велел передать весточку, что опасался, как бы вы в горячке не совершили какую-нибудь глупость. Хотя госпожа Сюй и ваша матушка, но она действительно нарушила законы государства. Случай, который расследовал наш цяньху — и клевета, и анонимное

письмо, — она во всем созналась сама, без малейших пыток.

...Цяньху Се уже полностью раскрыл дело, и госпожа Сюй признана виновной? Небо действительно все видит, за добро и зло воздается по заслугам!

Цуй Се, воспитанный на социалистических идеалах и верящий в материализм, чуть было не уверовал в кармическое возмездие! От избытка чувств его разум на мгновение оцепенел, он даже не знал, как выказать радость, а Се Кэ решил, будто юноша так убивается из-за вины матери. Не в силах смотреть на его «горе», слуга отвернулся и тяжело вздохнул.

С трудом придя в себя, Цуй Се сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Спасибо за весть, брат мой. По возвращении передай от меня искреннюю благодарность цяньху.

Се Кэ ответил:

— Благодарить не за что. Цяньху велел мне не только передать эту весть, но и напомнить вам: император намеревается вызвать вас во дворец, да и из дома за вами, вероятно, скоро приедут, чтобы забрать в столицу. Он знает, что вы сыновне почтительны, и по прибытии в столицу наверняка станете подавать прошение, дабы снять вину с госпожи Сюй. Он лишь просит вас при составлении прошения чаще вспоминать о той несправедливости, что пришлось терпеть начальнику уезда Ци.

Ему еще придется писать прошение о помиловании матери... Если бы цяньху Се не напомнил, ему бы такое и в голову не пришло. Да и после напоминания желания у него не прибавилось.

Однако он был праведником, отмеченным высочайшим указом императора, а значит, обязан был проявлять сыновнее почтение. Преданность и сыновняя ци — главные ценности Великой Мин. Что бы он ни чувствовал в душе и как бы ни поступал в обычной жизни, на такой публичной арене следовало сыграть свою роль безупречно.

Прощение должно быть написано изысканным слогом, трогательно и душераздирающе, но ни в коем случае не настолько трогательно, чтобы император и придворные решили простить преступление госпожи Сюй. А значит, в тексте нужно побольше расписать о том, как усердно начальник уезда Ци заботился о народе, как относился к нему как к родному ученику, дабы каждый читающий постоянно помнил, что госпожа Сюй оклеветала такого честного и любящего народ чиновника...

Цяньху Се недаром служил в Цзиньивэй — изощренность его замыслов поражала!

Цуй Се слегка прищурился, всерьез раздумывая над тем, как составить это обращение. Се Кэ, наблюдая за ним со стороны, решил, что на чело юноши ложится все более тяжкое бремя. Не в силах больше на это смотреть, слуга попрощался и бесшумно растворился в толпе на улице.

После его ухода Цуй Се вернулся к столу и продолжил водить кистью, но ничего путного нарисовать уже не мог — он лишь вымещал на бумаге накопившееся раздражение.

К полудню из школы вернулись несколько младших учеников, принеся с собой весть о том, что он занял первое место в списке:

Первое место на трех экзаменах подряд — «трижды лучший»! Такого талантливого мужа в уезде не появлялось уже несколько десятилетий!

Это событие требовало немедленного празднования!

Из учеников господина Линя сдали еще четверо, среди которых были Чжао Шиши и старший брат Юэ, тот самый, что водил его рекламировать работы на поэтический вечер на Праздник двойной девятки. Собравшись вместе, они решили отпраздновать это событие у Цуй Се и принесли с собой еду и напитки — не только чтобы поздравить его с первым местом, но и чтобы отблагодарить за удачу, которой они от него заразились.

Цуй Се временно выбросил все скверные мысли из головы, поднялся навстречу гостям и с сияющей улыбкой принялся поздравлять их в ответ.

Все с веселым шумом уселись за стол. Купленные яства, а также принесенные Пэн Янем рубленый цыпленок и соленая рыба полностью заставили стол. Вдобавок они потребовали две кувшина крепкой сорговой водки —

С сегодняшнего дня они были уже не просто школярами, а настоящими шэньюанями уезда и округа, а значит, им полагалось пить настоящую, крепкую хмельную водку!

Впрочем, много пить они не смели: после оглашения результатов предстоял еще один переэкзаменовка, и проверяющий чиновник уже ждал их в экзаменационных павильонах.

Впрочем, этот дополнительный экзамен состоял всего из одной сессии и двух вопросов по классическим канонам. Экзаменационные листы выдавались прямо в павильоне: к ним подшивали работы с трех предыдущих детских испытаний, а в конце добавляли несколько листов в клетку для черновиков. Эта проверка проводилась лишь для того, чтобы сверить почерк и уровень слога и убедиться в отсутствии подлога, так что на ней обычно никого не отсеивали.

<http://bllate.org/book/18372/1761334>